

Если это так, то за этим наверняка что-то кроется.

— Есть! — голос Ли Цзяня дрогнул. — Мы нашли на стекле следы обломанных ногтей, на дверной ручке — неизвестную жидкость. Когда обыскали салон, в щелях сидений обнаружили кровь и связанные ею веревки, как будто это были следы отчаянной борьбы.

Обломанные ногти? Сплошная кровь?

Волна тревоги ударила Лу Синчжоу в голову. Его холодное лицо исказилось, а сердце, казалось, готово было выпрыгнуть из груди от потрясения.

— Неужели это он?! Кормление человеческой кровью, следы зубов на пакетах, захват людей после того, как их связали веревками... — он сопоставлял ключевые слова Ли Цзяня, и по его волевому, красивому лицу пробежала тень чего-то зловещего. Его мозг не мог остановиться, а пугающий жар начал распространяться в сторону того места, где находился Цзян Чжуньинь. — Цзян Чжуньинь определенно вырастил какую-то нечисть, которую нужно подпитывать кровью и человечесиной.

— Неужели он все еще жив?

В его глазах вспыхнуло невыразимое, неистовое пламя. Сердце сжалось от тяжелого удара — он не мог понять, радость это или боль, но внутри мгновенно разлились горечь и насмешка.

Как такое возможно? На что он вообще продолжает надеяться? Разве Ли Цзянь не сказал, что они не нашли и следа? Смерть Се Чжиняня была свершившимся фактом, но он упорно пытался вытащить этот гвоздь, живя во лжи и обманывая самого себя. До сих пор верить в то, что Се Чжинянь не погиб — какой же он глупый и наивный. До сих пор испытывать к нему чувства...

Ли Цзянь не понял его состояния:

— Кто он?

Неизвестно, из-за света ли это, но в зрачках Лу Синчжоу отчетливо блестели слезы. Он разочарованно покачал головой:

— Ничего. — Затем, стремясь получить ответ, он заговорил обиняками: — Как ты думаешь, какой человек может пить человеческую кровь, обладать мощной хваткой и испытывать непреодолимую тягу к крови?

— Зомби.

Ли Цзянь выпалил это без малейшего колебания:

— В мире нет никаких вампиров, единственный монстр — это зомби.

— Верно.

Лу Синчжоу остро почувствовал ледяной холод в воздухе. Тепло в ладонях, обжигавшее сердце, и пронзительная боль разогнали туман в его голове.

— Большинство тех, кого приходится связывать веревками, уже не люди. Возможно, Цзян Чжунъянь ловил людей не из мести — по логике вещей, у них не было с ним вражды. Я не могу найти иной причины, кроме как скормить их зомби. К тому же у пакетов с кровью в машине были сроки годности — разве это не запас провизии для них?

— Лорд, вы хотите сказать! — воскликнул Ли Цзянь. Лу Синчжоу лишь намекнул, но он сразу все понял. Ли Цзянь понизил голос, опасаясь, что кто-то услышит: — Цзян Чжунъянь вырастил ставшего зомби Сун Чжиняня? Мы три года не могли найти тело Сун Чжиняня, потому что Цзян Чжунъянь его спрятал?

Человек, укушенный зомби, не может исчезнуть бесследно — он должен бесцельно бродить по Жунчэну. Однако камеры наблюдения, установленные Лу Синчжоу, постоянно выдавали ошибки, и следов Се Чжиняня не было обнаружено. С самого начала они искали не в том направлении.

Ли Цзянь добавил:

— Если так, то те пакеты с кровью обретают смысл.

— Только вот «ущерб ради ущерба» — не в стиле Цзян Чжунъяня. Он смог стать доверенным лицом Лорда в одиночку, его ум и коварство не стоит недооценивать. — Сказав это, Ли Цзянь наклонился: — Неужели тот, кого мы ищем, не за тридевять земель, а прямо здесь, совсем рядом?

— Да.

Лу Синчжоу с трудом перевел дыхание. Его взгляд скользнул по кольцу лучника с гравировкой SZN. Он выхватил ледяной клинок, пресекая споры отряда. Каждый его шаг оставлял на земле замерзшие цветы — красивое и смертоносное зрелище.

— Приведите Цзян Чжунъяня в чувство, я допрошу его лично.

Отряд был ошеломлен:

— Прямо сейчас?

— Немедленно!

Лу Синчжоу поднял руку. Он был одержим желанием подтвердить новости о Се Чжиняне, даже малейшие крупинки информации были для него важны.

— Лорд, может, подождем до завтра? — запыхавшись, подбежал Ли Цзянь и нерешительно произнес, зная, как сильно Лу Синчжоу торопится. — Раны Цзян Чжунъяня еще не зажили. Если мы заставим его очнуться силой, я боюсь, он не выдержит и умрет, не успев ничего сказать. Не лучше ли допросить его завтра?

— Выдержит, обязан выдержать.

Лу Синчжоу не мог ждать до завтра. Он отчаянно хотел получить ответ. За три дня он обыскал каждый уголок Жунчэна, его тоска укоренилась слишком глубоко, и он искал лишь повод найти тело Се Чжиняня.

— Те жены и дети, что погибли от зубов зомби, выносили их укусы, они были еще более слабыми. А Цзян Чжунъянь, будучи эвольвером, так слаб и беспомощен в обмороке? Раз уж он попал в мои руки, я имею право распоряжаться им.

Лу Синчжоу крепче сжал ледяной клинок. Он шагнул в свет и молча посмотрел на Цзян Чжунъяня, лежащего на ступенях. Его клинок почти вонзился в шею пленника.

— Повторное посещение старых мест не обходится без кровавой мести моего бывшего соперника в любви. То, что ты оказался здесь — твоя заслуга. Вы, развяжите веревки, я не могу ждать. Мне во что бы то ни стало нужно узнать, где скрывается Сун Чжинянь.

Лучше убить троих невиновных, чем упустить одного виновного. Если подсказка ускользнет у него из рук, Лу Синчжоу будет полнейшим идиотом. В конце концов, он потратил на это слишком много сил за последние годы.

Мощный, властный поток воздуха пронесся мимо Ли Цзяня. Они могли лишь подчиниться решению Лу Синчжоу. Ледяной клинок рассыпался на тысячи игл, вонзившихся в тело Цзян Чжунъяня. Капли воды медленно стекали с острых лезвий, за ними последовал второй удар.

Пытка, чтобы привести в чувство: если не сработает первый раз, последует второй.

Ли Цзянь дрожал, жалея, что сообщил эту информацию Лу Синчжоу:

— Лорд, прошу, подумайте дважды. Цзян Наньсун очень долго искал своего брата Цзян Чжунъяня. Если мы убьем его своими руками, в Эду начнется восстание.

Лу Синчжоу всегда терял голову, когда дело касалось Се Чжиняня:

— Только этого и жду. Эду рано или поздно станет моим. Цзян Наньсун когда-то использовал мое положение, чтобы подняться, и вернет долг рано или поздно. Когда ситуация стабилизируется, мы заберем оттуда выживших. И что с того, что он родной брат Цзян Наньсуна? Он вместе с Сун Чжинянем убил более пятисот человек в моем Жунчэне. Смерть — это еще малое наказание. Даже после смерти он послужит приманкой. Если он не проснется, я буду бить его, пока не очнется.

Эти слова заставили всех замолчать. Цена разрушения города могла стоить Лу Синчжоу его с трудом заработанной репутации, но его бесчисленные раскаяния не получили ответа. А смысл раскаяния заключался в достижении более высоких идеалов.

Его цель была проста: найти Се Чжиняня и убить его.

Жунчэн и Жунчэн — есть разница между подделкой и подлинником, как есть разница между фальшивой «черной луной» и настоящей «белой луной».

Лу Синчжоу сжал пальцы, и в его руке возник огненный клинок, еще более беспощадный, чем предыдущий. Он вонзил его в колонну рядом с Цзян Чжуньинем и, схватив того за шиворот, прорычал:

— Самое время свести старые счета. Этот долг он никогда не сможет выплатить.

Яркий свет заставил всех закрыть глаза — никто не хотел видеть сцену братоубийства.

— Смотрите, это же эвольвер из отряда капитана Суна!

Кто-то выкрикнул это. Люди открыли глаза. В лесу неподалеку послышался шорох. Они настороженно огляделись, и под воздействием ветра ледяной клинок Лу Синчжоу превратился в капли воды, зависшие над пылью.

— Лорд Лу, беда!

Подбежавший эвольвер тяжело дышал:

— В лагере появился странный человек. Мы хотели проверить его, снять капюшон, но он обезумел, начал всё крушить и бормотать, что ищет кого-то. Он ранил наших людей, у него такая сила, что мы не можем его сдержать! Прошу, пришлите подкрепление. Капитан Сун днем лечил эвольверов, а сейчас в палатке настраивает пробирки. Я боюсь, этот безумец угрожает капитану Суну!

Лу Синчжоу сразу догадался, кто это может быть. Значит, Цзян Чжунъюнь действительно прятал Се Чжиняня. Тихий смешок, вырвавшийся из его горла, прозвучал пугающе четко. Сводить личные счета под видом служебных обязанностей — не подобает джентльмену, но он сжал ледяной клинок и исчез, ступая по опавшей листве:

— Я пойду один. Должен ли я сказать, что ты лишен коварства и наивен, или же ты слишком хорошо притворяешься?

Лу Синчжоу повесил фотографию Се Чжиняня на стену, сделав из обычного снимка погребальный портрет. Только он мог додуматься до такого. Он днями и ночами молился за упокой души, не подозревая, что тот жив и здоров.

Лагерь Жунчэна.

Снаружи палатки столпились люди, эвольверы метались туда-сюда. Осколки стекла усыпали белый кафель. Черный комок метался среди них, издавая непрерывный визг. То перевернут ящик с медикаментами, то разобьют лабораторное оборудование.

Каркас палатки не выдержал ударов и рухнул.

— Я предупреждаю, не двигайся!

Эвольвер, зажимая раненую руку, смотрел на юношу, который продолжал крушить всё вокруг:

— Если ты выживший, соблюдай наши правила проверки! Если продолжишь ломать вещи, не вини нас, если мы будем вынуждены обойтись с тобой как с зомби! Не двигайся, слышишь?

Черный комок замер и повернул голову, словно анализируя слова эвольвера.

Кожа Се Чжиняня, видневшаяся из-под капюшона, была неестественно белой, а на ладонях запеклась кровь. Было видно, что у него тонкие кости — он явно был из тех, кого растили в роскоши. Капюшон скрывал глаза и нос, но по одним лишь ярко-красным губам можно было судить о его красоте.

— Куда ты его спрятал? — Се Чжинянь проигнорировал шум и пробормотал: — Это не здесь. Не здесь!

Он метался между палатками, переворачивая инвентарь, и, не найдя ничего, бросился к другим:

— Цзян Чжунъюнь не бросит меня! Он сказал, чтобы я ждал его в машине, он обязательно вернется! Обязательно вернется!

— Он впереди! — Се Чжинянь упал на землю, его волосы спутались, сознание было затуманено. — Вы спрятали его в передней палатке. Он точно там!

Се Чжинянь был в истерике. Кровь испачкала ткань палатки. В его глазах была бесконечная пустота. В его голосе звучала решимость, а потом он вдруг выдавил из себя улыбку, которая становилась все шире и шире — радость от предвкушения встречи с Цзян Чжунъюнем наполнила его сердце, но уже в следующую секунду лицо снова стало застывшим.

— Немедленно остановись!

Длинный кнут ударил Се Чжиняня. Капюшон порвался, обнажив кожу, на которой вздулись красные полосы. Звук удара заставил окружающих перешептываться:

— Неужели это зомби? Я слышал, он упоминал имя Цзян Чжунъюня?

Се Чжинянь катался по земле от боли:

— Больно...

— Я сказал тебе не двигаться, ты не слышишь? — эвольвер, держащий кнут, был в ярости. — Мы предлагали тебе по-хорошему, а ты выбрал силу. Если ты слышишь нас, перестань бегать, иначе мы будем считать тебя мутировавшим зомби. Проверка — это так сложно? Если ты не немой, отвечай, ты слышишь меня?!

Эвольвер раздраженно подошел к Се Чжиняню — ущерб, нанесенный медикаментам, был слишком велик. Он хотел сорвать капюшон, чтобы увидеть лицо юноши, но тот схватил его за руку.

— Сними капюшон, дай мне проверить твои глаза. Я хочу видеть, выживший ты или просто урод, который прячет лицо.

Се Чжинянь, подавленный чужой энергией, задыхался:

— Нет! Не трогай мой капюшон!

Его тело мелко дрожало, словно он боялся, что кто-то увидит его настоящим. Он стал ненормально агрессивным, повторяя «отпусти меня», а вены на его руках вздулись:

— Не трогай капюшон, проваливай, иначе я тебя загрызу!

Эвольвер усмехнулся:

— Загрызешь?

Слово было выбрано неверно. Только монстры кусаются. Не успел он отдернуть руку, как дикая боль пронзила его конечность.

— Да, я тебя загрызу.

Увидев, что капюшон вот-вот спадет, Се Чжинянь с отчаянием в глазах, преодолевая боль от веревок, впился зубами в руку эвольвера. Он вонзился глубоко в мягкие ткани, и вкус крови привел его нервы в возбуждение:

— Ты сам виноват, что полез. Я не могу сдержаться.

Он жадно пил кровь, но тут же был отброшен ударом ноги:

— Сдохни!

— Это не выживший, это зомби! Отступить!

Начался хаос. Люди метались, как муравьи в кипятке.

— Это зомби! Я сам видел, у него острые зубы! Чрезвычайное положение! Чрезвычайное положение!

Се Чжиняня атаковали со всех сторон. Его отбросило на десять метров, внутренности, казалось, сместились. Увидев, что все окружили раненого эвольвера, он, шатаясь, поднялся. Длинные черные волосы скрывали лицо, но он продолжал искать Цзян Чжунъяня.

— Черт возьми!

Эвольверы окружили его кольцом, от них исходило разное сияние.

— Конец, впереди палатка капитана Суна, нельзя допустить, чтобы он прорвался туда! Схватить его! Если капитан Сун пострадает хотя бы волосок, мы все трупы! У капитана Суна ответственное исследование, быстрее остановить этого монстра!

Се Чжинянь, не обращая внимания на атаки, продолжал идти. Юноша, казалось, понимал, что его бьют, и после того, как его лицо частично открылось, он окончательно обезумел. Его конечности изогнулись под странным углом:

— Не бейте меня, мне больно, я вас не пугал. Мое лицо в порядке.

Се Чжинянь винил в боли свое лицо. Он внезапно сплюнул кровь, вокруг искрились разряды энергии. Он закрыл лицо руками, чувствуя отчаяние от собственного уродства и того, что оно вызывает такую агрессию:

— Я вас не пугал... Пожалуйста, не бейте меня, я просто очень голоден... Я не хотел вас пугать.

Его лицо исказилось от муки, капли крови падали на ключицы. Он посмотрел на черную палатку перед собой и дрожащими руками раздвинул полог, просунув голову внутрь:

— Братец Чжунъинь.

В палатке он надеялся найти покой:

— Спаси меня! — прошептал он. — Братец Чжунъинь, спаси меня.

В палатке раздался звон падающего стекла.

Время замерло. Раздался резкий звук.

Се Чжинянь недоуменно обернулся, изо рта хлынула кровь. Он не успел среагировать, как деревянный клинок пронзил его поясницу, выгибая тело под жутким углом. Холодное острие, пропитанное горячей кровью... его пальцы, вцепившиеся в полог палатки, медленно разжались.

Он беспомощно рухнул на землю. Больно.

Он прижал руку к ране, из которой торчал клинок, и тяжело упал. Его вырвало прямо на ботинки того, кто стоял перед ним. Боль была невыносимой, он сдавленно застонал, глядя на узор на белых туфлях, и все же не отпустил свою последнюю надежду:

— Умоляю... спаси меня. Я не хочу умирать, я хочу жить.

Интуиция подсказала, что этот мужчина — не Цзян Чжунъинь. Он поднял голову, пытаясь выглядеть как можно жалобнее. Увидел лишь светло-голубые глаза, излучавшие мягкость. Но окружающие эвольверы, увидев, что человек опустился на колени, заметили в этом мягком

взгляде нескрываемую ярость.

— Сун Сяохань.

<http://bllate.org/book/20367/2037365>